

Из истории тихвинских монастырей и храмов 1918 год: начало гонений на Церковь

31 декабря 1917 года, в самый канун года 1918, в эсеровской газете «Дело народа» был опубликован проект декрета, который впоследствии будет назван «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви». В большевистской печати этот проект не публиковался. Помимо декларации свободы совести он предусматривал введение гражданского брака, запрет преподавания в школах Закона Божия, национализацию всего имущества Православной Церкви и других конфессий и лишение всех религиозных обществ прав юридического лица. Пока это был только проект, сам декрет еще не вступил в силу, более того, до установления в Тихвине Советской власти оставалось еще почти два месяца, но начало гонениям на Церковь в нашем городе уже было положено.

Одним из первых антицерковных действий стало изъятие метрических книг, которые имели значение актов гражданского состояния и велись Церковью согласно государственному закону. Свидетельство о крещении являлось свидетельством о рождении, свидетельство о венчании – свидетельством об отпевании имело статус свидетельства о смерти. Записи в метрические книги заносились, как правило, очень аккуратно, каллиграфическим почерком, располагались на полном развороте листа. Под каждой из них ставились подписи священника и дьякона или псаломщика.

Толчок к изъятию метрических книг был дан 18 декабря 1917 года изданием декрета о том, что акты гражданского состояния подлежат только государственной регистрации. Ярким свидетельством того, в какой момент они стали регистрироваться государственными органами, являются записи в метрической книге Введенского женского монастыря за январь 1918 года.

Первые две записи, под которые уже была отведена только правая половина разворота, успел, видимо, сделать церковнослужитель. А дальше, после аккуратной записи о крещении 14 января младенца Алексея, идет небрежный и плохо читаемый текст, внесенный хозяевами положения на тот момент. Подписи священников едва можно обнаружить на самом краю страницы с правой стороны, напротив первой записи: «Св. Вас. Войк» и ниже – «Н. Васильевский». Поскольку ЗАГС, видимо, еще не было, записи в книге продолжались весь год, хотя и сама книга, и сами записи очень изменили свой внешний вид, а с трудом различимые подписи священников сократились до инициалов: «СвНВ» и «СвВВ», но хоть и в таком виде, все-таки они еще были.

Конечно, изъятием метрических книг дело далеко не ограничивалось. 19 января 1918 года Святейший Патриарх Тихон издал «Воззвание», в котором, говоря с болью о разрушении, ограблении храмов и их кошунственном оскорблении, захвате православных обителей, присвоении имущества монастырей и церквей, призывал новые власти остановить произвол, а верующих – к защите Церкви.

20 января (2 февраля) 1918 года, на следующий день после издания воззвания Патриарха Тихона, в Тихвине состоялось торжественное изнесение Тихвинской иконы Божией Матери из Богородичного Успенского монастыря на главную городскую площадь для вознесения перед ней молитв о спасении Церкви. За всю свою долгую историю пребывания в Тихвине чудотворная икона Божией Матери покинула территорию обители всего в третий раз: первый раз это случилось в 1883 году, когда отмечалось ее пятидесятилетнее пребывание в Тихвинском монастыре; второй – в 1905 году, когда на Дальнем Востоке России шла жестокая война, а русские войска и на суше, и на море терпели одно поражение за другим. И вот снова потребовалось заступничество Пресвятой Богородицы.

В тот день крестные ходы из всех церквей Тихвина и из Введенского женского монастыря к 12 часам прибыли сначала в Большую монастырь. После краткого молебна настоятель Богородичного Успенского монастыря архимандрит Антоний обратился к присутствующим с речью, в которой он сказал о скорбях и бедах, постигших народ, и призвал всех обратиться за помощью к Божией Матери, которая «никого не отпустит от Себя с тоской на сердце, всех утешит, всех обласкает, всех поддержит». Он прервал речь, потому что слезы мешали ему говорить, опустился на колени и приник головой к чудотворному образу Богородицы. Сердца присутствующих не выдержали. Все, что накопилось в них, «что таилось в самой глубине души, все вылилось в бурном потоке слез».

Священник
Николай Васильевский.

После этого крестный ход двинулся в сторону главной площади города.

Приведем свидетельство очевидца этого события.

«Искренняя, усердная молитва православных людей, скорбящих и помощи требующих; величественное шествие Чудотворного Образа в крестном ходе; торжественное с коленопреклонениями молебствие на городской площади; пламенное желание подойти под Образ Богоматери и тем, как бы видимым образом, получить Покров Небесной заступницы края; пасхальные песнопения – все это производило отрадное впечатление, радовало, вселяло силу и бодрость в истрадавшее сердце и свидетельствовало, что крепка еще вера на святой Руси, великою силою она обладает – только ждет она искры, чтобы возгореться ярким пламенем».

Но борьба с Церковью еще только начала набирать обороты. Открытое гонение на нее и ее служителей приняло силу закона 23 января 1918 года, когда в газетах был опубликован декрет Совета народных комиссаров «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви». Совет народных комиссаров провозглашал, что «никакие церковно-религиозные общества не имеют права владеть собственностью», «все имущества существующих в России церковных и религиозных обществ являются народным достоянием». Тем самым православные храмы и монастырские обители становились общей собственностью всех граждан без различия вероисповедания. Священные предметы, предназначенные для богослужения, поступали в распоряжение государственной власти, которая могла либо передать, либо не передать их церквям для пользования.

Сомнений не осталось: под предлогом «отделения Церкви от государства» Совет народных комиссаров пытался сделать невозможным само существование церквей и духовенства.

Советская власть установилась в Тихвине 21 февраля (5 марта) 1918 года, и уже на следующий день, 22 февраля (6 марта), местное управление Наркомата внутренних дел информировало вышестоящие органы, что «земли монастырские, удельные и помещичьи взяты на учет земельными комитетами».

Новая власть сразу же занялась и антирелигиозной пропагандой. В марте в местной газете «Наш край» появляется заметка, направленная против одного из самых уважаемых священников Тихвина – протоиерея Николая Васильевского, а в его лице и про-

Демонстрация, посвященная
1-й годовщине октябрьской революции.

тив всех остальных священников, под названием «Батюшку обидели». В ней автор писал: «В феврале месяце сего года приезжал к нам в д. Кайваксу наш приходской священник Введенского монастыря о. Николай В-кий попросить на бедность у прихожан дров. Не собирая общей сродки, он явился к председателю нашего Совета во время расценки товаров в нашей общественной лавке. Народу было человек около десяти. Наш батюшка любит, когда у него просят благословения и целуют руку, к чему он приучил своих прихожан во время своей 30-летней службы.

При входе в дом часть граждан подошла под благословение и облобызала всецелую на благословения руку батюшки, во главе с председателем Совета. Остальные же, считая себя свободными гражданами, не захотели этого сделать... Пора бы, батюшка, не предлагать целования руки, а считать людей всех одной кости. Прошла пора унижений, нужны борцы за свободу, а не холопы!»

Задача автора – смутить народ. Вряд ли он не знал, что целование руки священника не имеет ничего общего с унижением верующего, а, наоборот, в отличие от простого приветствия, имеет особую духовно-нравственную значимость. Под благословение священника подходят все православные верующие, в том числе и занимающие очень высокое общественное положение и обладающие большой властью над другими людьми.

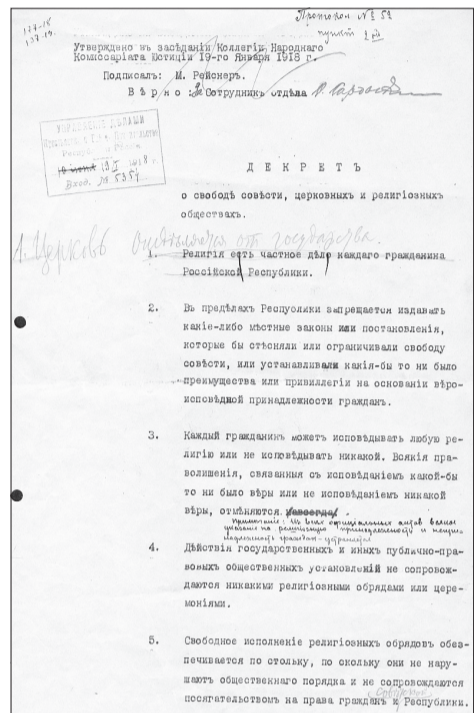
О том, что все монастырские земли взяты на учет, новая власть в Тихвине отработала еще 22 февраля (6 марта). Но все-таки приступила она к этому делу только 1 (14) апреля 1918 года. В этот день Уездный земельный комитет запросил у Введенского женского монастыря сведения об общей площади земли, о площади «по дачам в отдельности», а также о площадях пахотной, сенокосной и усадебной (огородной) земли. Выяснялось, на какие средства и чьим трудом обрабатывается земля, имеются ли сельскохозяйственные орудия и какие, а также какое количество земли желает монастырь обрабатывать впредь, где именно и для каких целей.

Чуть позже, 29 мая 1918 года, Тихвинский Земельный комитет запросил у Введенского монастыря сведения о количестве населения, постоянно живущих в обители, с указанием их имен и фамилий, возраста и времени пребывания в монастыре.

Чтобы предотвратить ситуацию национализации всего церковного имущества, Поместный Собор Православной Российской Церкви принял решение об организации при всех приходских и бесприходских церквях союзов (коллективов) из прихожан, которые должны были бы защищать святыни и церковное достояние от посяательства со стороны большевистской власти. Такой коллектив верующих – приходской совет – создавался и при Введенском женском монастыре. В него должны были входить представители от городских жителей, а также от жителей всех слобод и деревень, приписанных к монастырю.

Сохранились сведения о том, как проходило собрание по выбору представителей в приходской совет от городских прихожан. Состоялось оно 26 мая 1918 года. На собрание пришли 11 тихвинцев и несколько монахинь Введенского монастыря. В связи с тем, что мирян на собрание пришло мало, между его участниками возник спор о том, могут ли монашеские принимать участие в таких собраниях, и если могут, то с правом какого голоса: только ли совещательного или решающего?

Священник Николай Васильевский высказал мнение, что насельники обители, особенно те, которые не имеют мантии и рясы, вправе принимать участие в устройстве приходской жизни. Другие участники собрания

считали иначе. По их мнению, монашеские не могли в ней участвовать точно так же, как люди мирские не принимают участие в устройстве жизни монастыря.

Прихожан поддержал священник Василий Войк. Поскольку к единому мнению так и не пришли, присутствующие дали поручение священнику Николаю Васильевскому обратиться за разъяснением возникшей проблемы к епархиальной власти.

В рапорте, поданном 28 мая 1918 года в Новгородскую Духовную консисторию, отец Николай, ссылаясь на ряд документов, пытался убедить священноначалие в том, что сестры обители имеют право участвовать в выборе мирян в члены приходского совета и сами быть в его составе. Он аргументировал это тем, что приходскому совету предстояло заниматься, в том числе, и благоустройством монастыря. Поэтому кому, как не сестрам, писал он, зная почитателей и благодетелей обители, кому, как не им, радоваться за нее. На этом основании он просил вышестоящую церковную власть решить возникшее недоразумение в пользу сестер монастыря. Но священноначалие не удовлетворило его просьбу. А он, видимо, предчувствовал, что монастырь в скором времени подвергнется разграблению и прихожане не смогут его отстоять.

К тому времени игуменья Аполлиария, возглавлявшая обитель на протяжении 17 лет, было уже 78 лет. Справляться с обязанностями настоятельницы в тяжелейших условиях гонений на Церковь она уже не могла и подала прошение об уходе на покой. Выборы новой настоятельницы прошли 20 мая 1918 года. В результате единодушного голосования монастырских сестер ею стала бывшая казначея обители Иоанникия (в миру Александра Яковлевна Кожевникова).

На тот момент фактически именно она управляла обителью. Указ об ее утверждении в новой должности последовал 10 июня 1918 года. Забегая вперед, можно сказать, что на протяжении следующих 8 лет она будет тщетно пытаться спасти монастырь от уничтожения. Ей суждено будет стать преемницей: 3 декабря 1937 года, в самый канун престольного праздника бывшей Введенской обители, по приговору особой тройки УНКВД игуменья Иоанникия расстреляют. На тот момент ей будет 81 год.

Светлана Старшина.

ОКОНЧАНИЕ В №50.

Из истории тихвинских монастырей и храмов 1918 год: начало гонений на Церковь

ПРОДОЛЖЕНИЕ. НАЧАЛО В №49.

10 июля 1918 года первая советская конституция своей 65-й статьей объявляла духовенство и монашествующих нетрудящимися элементами, лишенными избирательных прав. С этого момента все «служители религиозного культа», как их стали обозначать в официальных документах, стали испытывать всевозможные притеснения практически во всех сферах жизни. Их обложили усиленными налогами, в случае неуплаты которых они теряли все свое имущество. Причем прав лишили не только священно- и церковнослужителей, но и всех членов их семей, находящихся у них на иждивении. Возникали трудности с устройством на работу, с получением пособий по безработице и пенсий, с карточками на продукты питания, которых «лишенцам» иногда просто не выдавали. Дети духовенства были практически лишены возможности получать какое-либо образование выше начального.

В списках лишенных избирательных прав за разные годы числятся тихвинские священники Борисов Леонид Борисович, Великославинский Иван Павлович, Васильевский Николай Борисович, Войк Василий Васильевич, Стефановский Яков Прокофьевич и многие другие представители духовенства города и Тихвинского уезда, а также их жены и дети.

Несмотря на то что декрет «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви» уже вступил в силу, тихвинские священнослужители и верующие пытались как-то ему противостоять. Об этом свидетельствует заметка в местной газете «Наш край», которая называлась «Не могу молчать», и подписанная анонимным автором, настроенным против Церкви, под псевдонимом «Алчущий правды». Но благодаря ей мы узнаем, что 23 июля 1918 года в Тихвине проходило религиозное собрание. На нем принималось решение о необходимости написания со стороны верующих в адрес новой власти ходатайства об отмене декрета «о вынесении икон и картин божественного содержания из школ» и о том, чтобы «Закон Божий в школе был обязательным для всех». И хотя вся заметка об этом событии была написана в глумливом тоне, автор все-таки должен был признать, что ходатайство верующими написано «в духе батюшки».

Прошение написано, но, конечно же, не удовлетворено.

24 августа 1918 года Наркомюст утвердил «Инструкцию по проведению в жизнь декрета от 23 января 1918 года». Местные Советы рабочих и крестьянских депутатов должны были в двухмесячный срок со дня ее опубликования изъять у Церкви все имущество и денежные средства. Храмы и богослужебные предметы разрешалось выдавать в пользование «общинам верующих» по описи. Все остальное имущество, не предназначенное специально для богослужебных целей, отбиралось.

В этой инструкции говорилось о том, что в приходе ответственность за все возлагается на группу мирян численностью в 20 человек, которые стали называться «двадцатками». С такой «двадцаткой» как с общественной организацией заключался договор на аренду помещений и инвентаря.

«Двадцатки» также несли ответственность за любые действия священнослужителя. 8 сентября 1918 года новая настоятельница Введенского монастыря монахиня Иоанникия была возведена в сан игуменни. Буквально на следующий день ей был сделан «подарок»: 8-9 сентября 20-30 человек солдат обокрали монастырский картофельный огород. А затем она была поставлена перед необходимостью выполнять последовавшие одно за другим предписания.

11 сентября от квартирного отдела пришлось требовать не занимать без его ведома комнат в освободившихся монастырских зданиях. 8 октября потребовались точные сведения о количестве и породах принадлежащих монастырю лошадей и рогатого скота с указанием числа дойных коров и о запасах для них корма. 10 октября пришла бумага из полка с предписанием немедленно отдать всех лошадей в количестве 8 штук в пользу угрозыска с припиской: «За неисполнение сего подвергнетесь строгой ответственности». С 11 октября предписали «отпускать в пользу больных города половину всего удоя». 19 октября подотдел питания запретил продажу капусты, картофеля и других овощей без его разрешения и просил сведения о количестве имеющихся продуктов и овощей. 21 октября приказали выслать 4 подводы военному комиссариату для перевозки артиллерийского имущества. 2 ноября потребовали составить сведения о призываемых в монастырском детском приюте. 5 ноября понадобились сведения о земле, занятой под

огородами, и площади посевов зерновых хлебов. 10 ноября подотдел питания потребовал 3 лошадей с шестью человеками рабочих для выгрузки сена для молочной фермы. 15 ноября нужно было предоставить сведения о расходах на содержание приюта (в приюте 40 детей). 16 ноября запросили список монахинь и лиц, проживающих в монастыре, с указанием их возраста и трудоспособности, список живого и мертвого инвентаря по всему хозяйству монастыря и количество земли по угодьям и в целом.

Примерно то же самое происходило и в Богородичном Успенском мужском монастыре. 23 сентября настоятель обители архимандрит Антоний пишет Новгородскому митрополиту Арсению (Стадницкому): «У Тихвинского Большого монастыря произведена реквизиция: картофеля, капусты, сена, соломы и др. Воспрещена продажа чего-либо излишнего. Братию ежедневно, когда 30, 20, 15, 10, 8, а когда и 5 человек вызывали мыть полы в казармах у солдат, рыть канавы, перевозить оружие, патроны и другие вещи. Требовали и лошадей с братией. ... лошадей требуют ежедневно. Как вздумает «товарищ» ехать – требуют из монастыря лошадей, которых заездили ужасно, и они едва двигаются, а одна третьи сутки лежит. Дела в хозяйстве у монастыря остановились, хлеба остается немного, а подвоза нет...»

В южных братских кельях и Больничных кельях в 1918 году уже были устроены пошивочная мастерская и красноармейский госпиталь. Началось планомерное вытеснение монахов.

Не все монахи выдерживали такую голодную и полную лишений жизнь. Некоторые из них покинули монастырь. Одним из таких был сын священника Знаменской церкви Леонид Борисов. Ходили слухи, что и сам священник планирует снять сан и пойти черноработчиком на железную дорогу. Но, видимо, этого не случилось, так как Леонид Борисов оставался священником до февраля 1931 года, хотя уже и не в канонической, а в обновленческой церкви. А сын его новой властью был убит. «Расстрелян сын священника Знаменской церкви г. Тихвина», – такая информация появилась в №20 Новгородских епархиальных ведомостей за 1918 год. Его казнили за то, что он принимал участие в забастовке железнодорожников, стоящих на платформе собрания уполномоченных петроградских фабрик и заводов.

Эта забастовка состоялась на станции Тихвин 7 (20) июня 1918 года. Комиссар путей сообщения Северного района Заблоцкий тогда в срочном порядке обратился с воззванием к железнодорожникам, в котором указал, что забастовка такого крупного продовольственного узла, как Тихвин, тяжело отразится на деле продовольствия всей России, ибо через этот пункт следуют поезда на Мурманск, Москву и на чехословацкий фронт. Понятно, что участие в ней не могло остаться безнаказанным.

8 сентября 1918 года в тихвинской газете «Наш край» появилось сообщение следующего содержания: «Тихвинский Военно-революционный комитет доводит до сведения граждан города и уезда, что главные организаторы и руководители железнодорожной забастовки 20 (7) июня с. г. Лаурин Павел Антонович, Борисов Михаил Леонтьевич, Карпов Михаил Васильевич, Компус Александр Иванович и Смелков Александр Васильевич по постановлению Военно-революционного комитета 3 сентября 1918 г. на рассвете расстреляны».

Кроме этого, 38 забастовщиков были заключены в тюрьму в качестве заложников. Тихвинский Военно-революционный комитет предупреждал, что в случае возникновения какого-либо контрреволюционного выступления или единичного террора, направленного против «Вождя Революции и Советских де-

ятелей», заложников постигнет та же участь, как и первых.

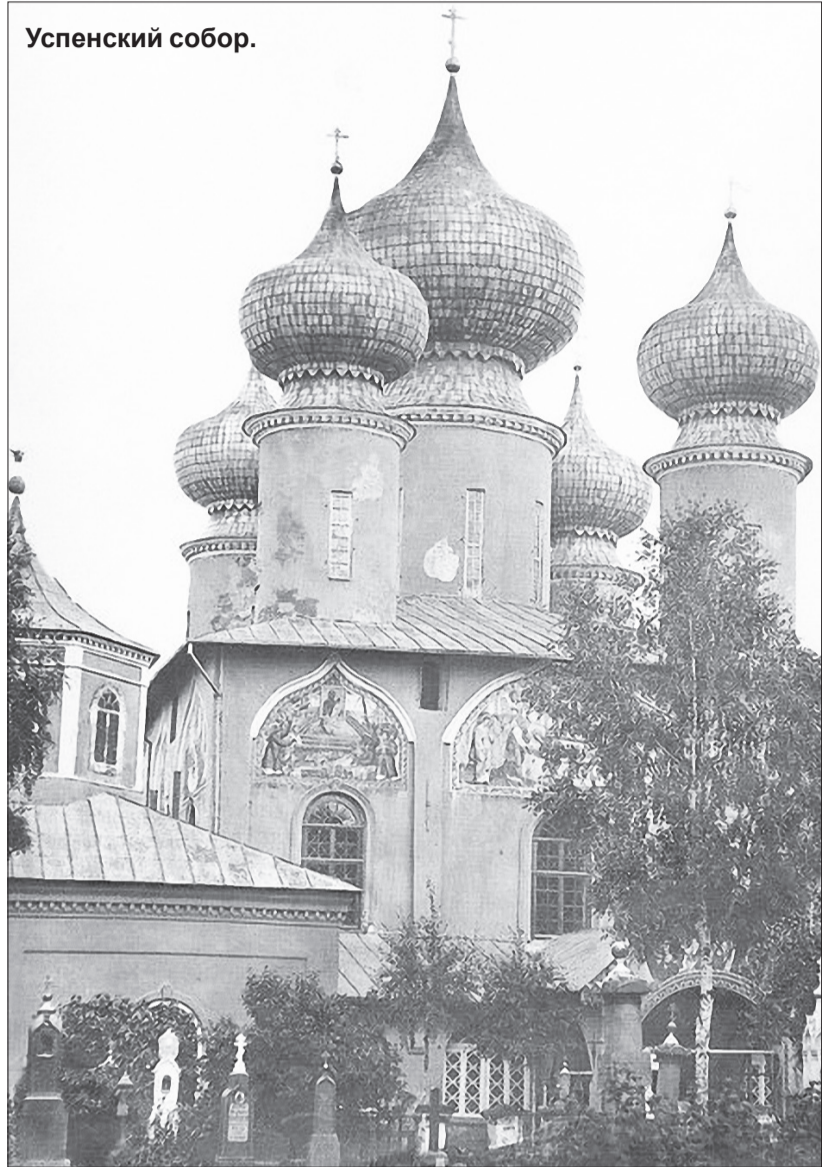
Новая власть набирала силу. «Первую годовщину Октябрьской революции Тихвин отпраздновал старательно и даже эффектно. В важнейших пунктах города были построены триумфальные арки, разукрашенные и убранные хвоей. Всюду появились красные флаги. Было шествие организаций со знаменами и лозунгами... Выступали многочисленные ораторы. Сжигали на площади торжественно царские портреты, гербы и эмблемы старой власти, а также чучело, изображавшее Николая Второго». Менялись названия улиц: Екатерининская стала улицей Карла Маркса, Богородицкая и Павловская – Советской. Постепенно исчезли с карты города улицы, названные в честь религиозных праздников: Рождественская, Вознесенская, Преображенская, Знаменская. Зато появились улицы Красноармейская, Пролетарской диктатуры, МОПРа, Пионерская и другие. Главная площадь города, которая называлась до революции Каменной, была переименована в площадь Свободы.

Приближалось 4 декабря, праздник Введения во Храм Пресвятой Богородицы – престольный праздник Введенской обители. В этот день до революции в монастырь стекалось множество верующих жителей города и паломников из других мест, совершался крестный ход. Но теперь для его проведения требовалось разрешение от органов власти, которое нужно было получить заблаговременно, «не позднее, чем за два дня до публичного совершения религиозной церемонии». Для этого игуменья Иоанникия пришлось обратиться в Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией при Тихвинском Совете рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов с заявлением, где указать цель, место и время проведения торжественного церковного шествия. Накануне праздника, 3 декабря 1918 года, такое разрешение было получено, и крестный ход в праздник состоялся.

14 декабря и в Успенском, и во Введенском монастырях на основании ордера этой Чрезвычайной Комиссии были произведены обыски. «Нечего было взять», – записано по результатам обыска в женском монастыре.

В Успенском монастыре в келье настоятеля архимандрита Антония были изъяты различные финансовые документы, в том числе приходно-расходная книга за 1918 год;

Успенский собор.

в помещении казначея реквизировали хранящиеся там рис, сахар, крупу и мыло. Лишь некоторые монастырские документы и частную переписку обнаружил комиссар И. Федоров в келье наместника иеромонаха Клавдия (Воронина).

В этот же день во Введенской обители состоялись выборы «комитета монастыря от трудящегося населения монастыря в присутствии комиссии по отделению Церкви от государства тт. Попова, Васильева, Румянцева». В комитет были выбраны отнюдь не монахи, а пятеро мужчин, скорее всего, наемных работников монастыря. Их фамилии известны: Забелин, Морозов, Нажимов, Варварин и Васильев. Игуменье предписывалось немедленно сдать вновь избранному комитету все имущество и деньги монастыря. С этого момента комитет ведал всеми делами и распоряжениями монастыря, он же стал единственной властью монастыря и был ответственным за все происходящее в обители. Было объявлено, что за неисполнение распоряжений комитета обитатели монастыря будут привлекаться к ответственности.

С этого дня все здания монастыря и все находящееся в них имущество принадлежали местной власти, которая могла распоряжаться ими, как считала нужным. Храмы после инвентаризации и описи всего, что в них было, на основе временных договоров впоследствии были переданы религиозной общине.

Продлевать договор на очередной срок или нет, решал опять же Тихвинский исполком Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Все другие здания монастыря полностью переходили в муниципальную собственность.

В течение декабря все тихвинские обители лишились своего имущества. В своем рапорте от 22 декабря 1918 года архимандрит Антоний (Демьянский) писал, что монастырским рабочим комитетам было «передано все монастырское имущество и ризницы и прежним начальствующим в обителях запрещено вмешиваться в дела особыми распоряжениями комиссии. Положение насельников св. обителей и прежних начальствующих неопределенное и очень неясное...».

Таковыми нерадостными событиями завершался 1918 год. 1919 год принесет с собой новые проблемы. Но об этом – в следующем раз.

Светлана Старшина.